

Двенадцать лет пролетели в одно мгновение. Чоу Муи, когда-то бывший очаровательным малышом, превратился в статного, холодного и по-мужски изящного юношу. Лицом он пошел в отца: те же соболиные брови и ясный, пронзительный взор. Несмотря на годы изнурительных тренировок под палящим солнцем и пронизывающим ветром, его кожа оставалась непривычно светлой, чему Цуй Инлун не переставал удивляться.

Сам Муи считал такую белизну изъяном, недостойным настоящего мужчины. Пытаясь добиться хотя бы бронзового загара, он часами тренировался на плацу в самый зной, но природа лишь насмешливо взирала на его усилия. В конце концов, юноша впал в уныние, из которого его вывел лишь Лю Цинье. Глядя на то, как ученик внимает словам друга, Цуй Инлун лишь качал головой, чувствуя, как внутри шевелится ревность.

— Вырос ученик — и упорхнул из-под крыла учителя, — ляпнул старик как-то раз, поддавшись минутному порыву.

Муи и Цинье опешили, а сам Инлун тут же пожалел о сказанном. Фраза прозвучала так, будто он выдает дочь замуж, а не напутствует повзрослевшего парня.

Муи лишь нахмурился. В последнее время Лю Цинье все чаще искал его общества. Поводов для встреч не было, но «лис» умудрялся выдумывать такие нелепые оправдания, что Муи всерьез начал сомневаться в здравомыслии друга. К тому же Цинье повадился нарушать личное пространство: то плеча коснется, то руку на спину положит. Муи, будучи до мозга костей мужчиной, недоумевал: что это за странное ощущение, будто его... соблазняют? Прямых доказательств не было — Лю Цинье улыбался так невинно, что Муи оставалось только молча беситься. Глядя на эту лисью физиономию, он понимал: верить такой «чистоте» — значит выставить себя дураком. Он чувствовал себя той самой лягушкой, которую медленно варят в котелке: вода теплеет незаметно, а когда придет пора прыгать — будет поздно.

Лю Цинье же пребывал в прекрасном расположении духа. Сначала он и сам верил, что их связывает лишь крепкая мужская дружба. Они даже поклялись помогать друг другу в будущих свершениях. Однако в какой-то момент Лю осознал, что может часами смотреть на лицо друга. Ему хотелось быть рядом, касаться его, чувствовать тепло... Раньше он не понимал природы этих чувств, но и подавлять их не спешил. Он интуитивно чувствовал: откажись он от этого сейчас — и потеряет нечто бесценное.

Прозрение наступило в тот день, когда Цуй Инлун, хваля успехи Муи в искусстве копья, невзначай заметил:

— Муи уже совсем взрослый. Пора бы ему и о жене подумать.

Лю Цинье в этот момент как раз поднимался на гору. Муи давно уговорил учителя обучить друга хотя бы основам самообороны, считая, что хилое телосложение книжника никуда не годится. Цуй Инлун, оценив острый ум и хватку Цинье, согласился, а тот, не будь дураком, быстро заделался «своим», называя мастера не иначе как «учителем».

Слова о женитьбе поразили Лю Цинье в самое сердце. Мысль о том, что Муи может принадлежать какой-то женщине, вызвала в нем почти физическую боль. Словно самое дорогое сокровище собирались нагло отобрать.

Сам Чоу Муи лишь отмахнулся от слов мастера. Женитьба? Уж лучше коротать дни с Лю Цинье, чем с какой-то незнакомкой. Сама идея связать жизнь с женщиной вызвала у него необъяснимую скуку, если не сказать больше. Конечно, он и не подозревал, насколько двусмысленно звучат его мысли.

Заметив застывшего неподалеку друга, Муи подошел и хлопнул его по плечу:

— Чего замер? Подходи.

Этот жест пробудил Лю Цинье от раздумий. Глядя в обеспокоенные глаза Муи, он окончательно осознал: да, он влюблен. И собственническое желание безраздельно владеть этим человеком — лучшее тому подтверждение.

Конечно, Муи об этом и не помышлял. Но Лю Цинье был хитрым лисом. Раз он наметил добычу, шансов ускользнуть не осталось. Заметив, как Муи поморщился при упоминании о женитьбе, Лю довольно прищурился. План «теплой воды» вступил в решающую фазу.

Он улыбнулся так лучезарно, что у Муи по спине пробежал холодок. Юноша инстинктивно отступил на шаг, чуть не наступив на ногу Цуй Инлуну.

С того дня Лю Цинье стал еще настойчивее. Он использовал малейшую возможность, чтобы оказаться рядом, невзначай коснуться, забрать себе частичку внимания. Он понимал: если не действовать сейчас, Муи сам никогда не догадается о его чувствах.

Единственное, что омрачало мысли Лю, — это память о семье. Десять лет назад ушла бабушка, четыре года назад — отец. В то время родственники, словно стая стервятников, пытались разорвать семейное достояние. Лю пришлось пойти на хитрость: он скормил им часть имущества, чтобы сохранить главное. В те тяжкие дни только поддержка Муи не дала ему окончательно пасть духом.

Карьера Лю Цинье тем временем шла в гору. Он блестяще сдал экзамены, став цзюйжэнем, а на императорских испытаниях его рассуждения о государственном устройстве поразили двор. Даже Пань Жэньмэй, пытавшийся вставить палки в колеса, ссылаясь на молодость кандидата, потерпел неудачу. Император лишь рассмеялся:

— Хоть Лю Цинье и молод, но видит глубоко. Со временем он может превзойти и самого канцлера.

Конечно, это была шутка, но Пань Жэньмэй юмора не оценил. Лю Цинье не был его протеже, и

его успех злил старика. В итоге император, соблюдая баланс, назначил сорокалетнего кандидата Чжуаньюанем, двадцатилетнего — баньянем, а Лю Цинье стал таньхуа — почетным «третьим цветком».

Во время торжественного шествия по улицам столицы все взоры были прикованы именно к нему. Чжуаньюань был слишком стар, баньянь — слишком зауряден, а Лю Цинье олицетворял собой образ идеального ученого-красавца.

Император определил его в Академию Ханьлинь младшим редактором. Должность невысокая, но стратегически важная. Во-первых, Ханьлинь — оплот «чистых чиновников», чья поддержка была весомым щитом. Во-вторых, это близость к трону: указы, историография — всё проходило через их руки. Даже канцлер дважды думал, прежде чем перечить академикам — никто не хотел прослыть тираном в глазах интеллектуальной элиты.

Перед вступлением в должность молодым чиновникам дали время на отдых. Лю Цинье вернулся к Муи. Он быстро уладил дела поместья, продав то, что нельзя было забрать, а недвижимость доверил Цуй Инлуну. Пришло время прощаться.

Видя, как Лю Цинье липнет к Муи, Цуй Инлун лишь хмыкал. Он списывал всё на крепкую дружбу и не спешил с выводами. Муи же, хоть и ворчал на излишнюю тактильность друга, в глубине души тоже грустил. Пользуясь моментом, Лю Цинье вытянул из него кучу обещаний: и навещать часто, и жить только в его столичном доме, и даже делить одну постель, как в старые добрые времена.

Муи, замороженный этой лисьей красотой, покорно кивал. Лишь спустя годы, когда он окажется полностью во власти Лю, он вспомнит этот день и поймет: именно тогда он сам, добровольно, подписал себе приговор.

Довольный собой, Лю Цинье отправился в столицу. Началась его служба в Ханьлине. Его блестящие знания были очевидны, но в Академии хватало талантов. Однако Лю взял другим — обаянием и тактом. Он всегда улыбался, был почтителен со стариками и быстро завоевал их симпатию. Старейшие академики с удовольствием делились с ним секретами составления докладов и тонкостями придворного этикета. Лю учился мгновенно, но оставался скромным, чем выгодно отличался от заносчивых коллег своего выпуска.

Вскоре в Ханьлине поняли: этот юноша далеко пойдет. Когда речь заходила о войне с Ляо, Лю Цинье занимал твердую позицию — он выступал за защиту границ, что находило отклик даже у самых осторожных ученых. Они понимали: без сильных генералов — чиновникам — придется самим стоять на стенах крепостей, чего им совсем не хотелось.

Так что опасения Муи о том, что Лю Цинье «съедят» в столице, были напрасны. «Лис» чувствовал себя в большой политике как рыба в воде, и Муи, узнавая об успехах друга, не мог сдержать гордой улыбки.

<http://bllate.org/book/17388/1694619>